

СЮЖЕТ «ИГРЫ» КАК ПОЛЕ СИНТЕЗА РОМАНТИЗМА И РЕАЛИЗМА: СТРАСТЬ, РОК И ФИЗИОЛОГИЯ В РОМАНЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»

Подмазова М.В.,

*студентка 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Крикливец Е.В., доктор филол. наук, доцент*

Ключевые слова: русская литература, проза, роман, романтизм, реализм.

Роман Ф.М. Достоевского «Игрок» (1866) занимает особое место в творчестве писателя, представляя собой не только психологическое исследование страсти, но и сложный эксперимент в области художественной формы. Написанный в период творческой зрелости автора, этот текст демонстрирует характерный для Достоевского синтез различных эстетических систем, в первую очередь – романтизма и реализма. Если реализм XIX века стремился к объективному изображению типических характеров в типических обстоятельствах, а романтизм культивировал исключительную личность в исключительных обстоятельствах, то «Игрок» представляет собой пространство их продуктивного взаимодействия, где сюжет игры становится полем для этого синтеза.

Актуальность исследования определяется необходимостью переосмысления места «Игрока» в творческой эволюции Достоевского. Традиционно рассматриваемый как «второстепенный» или «проходной» роман, он на деле оказывается лабораторией, где отрабатываются ключевые поэтологические принципы зрелого Достоевского. Анализ синтеза романтизма и реализма через призму сюжета игры позволяет раскрыть философскую глубину текста, выходящую за рамки автобиографического или социально-психологического прочтения.

Целью исследования является доказательство того, что сюжет игры в романе «Игрок» функционирует как системное поле синтеза романтической и реалистической объектных организаций, создавая уникальную художественную модель, которую можно определить как «фантастический реализм» Достоевского.

Материал и методы. Основным материалом для исследования послужил канонический текст романа Ф.М. Достоевского «Игрок» из академического Полного собрания сочинений. Этот выбор обеспечивает работу с научно выверенным источником, снабженным необходимыми комментариями. Для реконструкции творческого контекста дополнительно привлекались черновые редакции романа, рабочие тетради, переписка и публицистика писателя соответствующего периода.

Методология представляет собой комплекс взаимодополняющих подходов, нацеленных на раскрытие синтеза романтизма и реализма. Центральное место занимает структурно-семантический анализ, направленный на выявление ключевых мотивов (игры, рока, страсти, денег) и их трансформации,

в ходе которой романтические категории переводятся в регистр социальных и физиологических детерминант. Анализ символических образов (колесо рулетки, игорный зал, «Рулетенбург») позволяет раскрыть столкновение идеального и материального как основную художественную идею.

Поскольку роман написан от первого лица, ключевое значение имеет нарратологический анализ сознания героя-рассказчика Алексея Ивановича. Этот подход позволяет выявить внутренний конфликт между двумя регистрами его самовосприятия: романтическим дискурсом, в котором он конструирует себя как борца с судьбой, и реалистическим дискурсом, обнажающим его истинные физиологические и социальные мотивы. Ирония и саморазоблачение в повествовании выступают как инструменты одновременного создания и деконструкции романтической картины мира.

Интертекстуальный анализ устанавливает связи романа с романтической традицией (Э.Т.А. Гофман, байронический герой, «Пиковая дама» А.С. Пушкина), демонстрируя, как Достоевский переосмысляет устоявшиеся клише. Сравнительно-исторический метод помогает определить место произведения в литературном процессе и творческой эволюции автора.

Для анализа пространственно-временной организации используется концепция хронотопа М.М. Бахтина. Хронотоп игорного зала рассматривается как сгусток времени-пространства, где время сжимается до «мгновения», а пространство сочетает черты «храма Фортуны» и вульгарного заведения. Пространство «Рулетенбурга» анализируется как модель коммерциализированного мира, где сталкиваются миф и реальность. Исследование субъективного времени героя показывает связь его экзистенциальных переживаний с физиологическими ритмами.

Элементы культурно-исторического и социологического подходов позволяют реконструировать социальный контекст эпохи и проанализировать игру как практику, встроенную в систему экономических отношений, что переводит абстрактные категории «рока» и «страсти» в плоскость конкретных обстоятельств.

Интеграция этих методов создает объемную исследовательскую оптику, необходимую для анализа сложной поэтики «Игрока». Такой синтетический инструментариум адекватен задаче раскрытия синтеза романтизма и реализма в сюжете игры.

Результаты и их обсуждение. Исследование выявило, что сюжет игры в «Игроке» функционирует как структурный принцип, организующий синтез романтической и реалистической поэтики. Ключевым механизмом этого синтеза является «редукция возвышенного». Романтические категории (рок, страсть, судьба) не отменяются, но переводятся в реалистический регистр, обретая трагикомическое звучание. Рулетка становится симулякром Фортуны – механической имитацией высших сил. Страсть героя к игре, облеченная в риторику бунта, неизбежно описывается как физиологический аффект: лихорадка, нервный припадок. Таким образом, возвышенное обнаруживает свою зависимость от телесных и социальных детерминант.

Анализ повествования выявил нарративную стратегию двойного дискурса в сознании героя-рассказчика Алексея Ивановича. Его внутренний мир становится полем борьбы между романтическим языком, конструирующим образ трагического борца с судьбой, и реалистическим голосом самоиронии, обнажающим подлинные пружины поведения – экономический расчет, социальную обиду, физиологический импульс. Этот непрерывный конфликт создает уникальный психологический рисунок, где пафос и пошлость неразделимы, а фигура рассказчика воплощает синтез как мучительное сосуществование двух мировоззрений.

Хронотоп романа подтверждает гипотезу о «Рулетенбурге» как пространстве симуляции. Этот курортный мир превращает романтическую экзотику в товар, а игорный зал – в его архитектурную метафору, сочетающую внешние атрибуты храма с внутренней вульгарностью. Время здесь дробится на изолированные «мгновения» азарта, создавая среду, где романтическое вечное не может укорениться в реальности, которая сама является тотальной игрой.

Исследование также раскрыло социально-экономический субстрат «романтической» страсти. Игра для героя – не свободный метафизический выбор, а стратегия социального реванша, доступная аутсайдеру. Его бунт мотивирован унижительным положением зависимого гувернера, а выигрыш мыслится как капитал для приобретения статуса и власти. Достоевский проводит деконструкцию романтического индивидуализма, показывая, как возвышенные порывы оказываются встроены в систему экономических отношений. «Рок» оборачивается социальной закономерностью, а «страсть» – инструментом борьбы за признание.

Обсуждение результатов приводит к выводу, что реализм Достоевского предстает как критическое претворение и углубление романтизма. Синтез в «Игроке» – это драматическое столкновение, где реализм, вскрывая механизмы романтических мифов, не развенчивает их, а придает им новую трагическую остроту. В мире утраченных смыслов рулетка становится честным воплощением абсурда, а физиологическая страсть игрока – свидетельством жажды чуда. Таким образом, «Игрок» может рассматриваться как произведение, стоящее у истоков литературы экзистенциального кризиса, где игра становится парадигмой человеческого существования в ситуации утраченных ориентиров.

Заключение. Проведенное исследование доказывает, что роман Ф.М. Достоевского «Игрок» представляет собой целостную художественную систему, основанную на диалектическом синтезе романтической и реалистической поэтики. Сюжет азартной игры выступает здесь не просто темой, а ключевым структурным принципом, полем для взаимодействия двух эстетических систем.

Основным механизмом этого синтеза является «редукция возвышенного». Романтические категории судьбы, страсти и рокового мгновения последовательно переводятся в реалистическую плоскость – физиологическую, социальную, экономическую. Возвышенное не упраздняется, но обнажает свою зависимость от низовых детерминант, сохраняя экзистенциальную

значимость. Рулетка становится симулякром судьбы, а героический бунт – психофизиологическим аффектом и социальной стратегией.

Эта диалектика реализуется на всех уровнях текста. В сознании героя-рассказчика Алексея Ивановича происходит непрерывная борьба между романтическим дискурсом самоутверждения и реалистическим голосом самоиронии, что становится двигателем сюжета. Пространство «Рулетенбурга» моделирует мир как симуляцию, где романтическая экзотика превращается в товар, а время дробится на азартные «мгновения». Страсть к игре коренится не в метафизическом бунте, а в конкретных социальных условиях, выступая инструментом реванша для аутсайдера.

Реализм Достоевского предстает как критическое претворение и углубление романтической традиции. Автор сохраняет пафос вечных вопросов, но находит для них новые, трагические и трезвые формы в современном мире. Этот синтез взаимно обогащает обе системы: реализм обретает философскую масштабность, а романтизм – социальную конкретность.

«Игрок» может быть осмыслен как этап формирования особого типа «реализма в высшем смысле», ставшего отличительной чертой зрелого творчества писателя. Роман поднимает фундаментальные вопросы о случае, свободе воли и смысле существования в мире, утратившем трансцендентные опоры. Выявленная модель синтеза открывает перспективы для дальнейшего исследования как творчества Достоевского, так и закономерностей развития русской литературы на переломе эстетических парадигм.

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 4-е изд. – Москва : Советская Россия, 1979. – 318 с.

2. Гроссман, Л. П. Поэтика Достоевского / Л. П. Гроссман. – Москва : Гос. акад. худож. наук, 1925. – 191 с.

3. Достоевский, Ф. М. Игрок : роман / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. – Т. 5 : Повести и рассказы 1862–1866 гг. ; Игрок. – С. 211–376.

СИМВОЛИКА ГРАНАТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Смирнова Е.Н.,

студентка 2 курса ПсковГУ, г. Псков, Российская Федерация

Научный руководитель – Разумовская А.Г., доктор филол. наук, профессор

Ключевые слова: гранат, флорообразность, семантика, русская поэзия XX века, А.А. Ахматова.

В современном литературоведении одним из интенсивно развивающихся направлений является изучение флорообразности. Многие исследователи обращаются к изучению символики растений: К.И. Шарафадина [1], В.С. Полилова [2], А.Г. Разумовская [3; 4] и др. Предметом анализа в литературе становились роза, гвоздика, сирень, лилия, ирис, георгин и другие представители флоры. Изучением флоросемантики занимались в XIX веке